

Лора Ноулин

ЕСЛИ БЫ ОН ОСТАЛСЯ

Перевод Дарьи Смирновой

роман

МИО

МИФ Проза

Лора Ноулин

Если бы он остался

«Манн, Иванов и Фербер»

2013

УДК 82-311.2
ББК 84(7Coe)6-44

Ноулин Л.

Если бы он остался / Л. Ноулин — «Манн, Иванов и Фербер»,
2013 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214120-3

Отэм и Финн были неразлучны с самого детства, но потом что-то изменилось. Или, может, это они изменились? Теперь Финн – один из самых популярных парней в старшей школе, а Отэм нашла новых друзей и встречается с лидером отщепенцев. И тем не менее каждый раз, когда они пересекаются, Отэм не может избавиться от ощущения неправильности происходящего и растущей, ноющей мысли о том, что, возможно, всё могло сложиться по-другому. Что Отэм и Финн должны быть вместе, пока еще есть шанс повернуть все в нужном направлении. Ведь порой нам не хватает только смелости довериться своим чувствам. Для кого эта книга Для тех, кто любит пронзительные истории, которые вызывают сильные эмоции. Для поклонников книг Дженни Хан, Колин Гувер, Кейси Уэст и Дженнифер Нивен. Для тех, кто хочет прочитать эмоциональный роман, ставший хитом TikTok и набравший более 30 миллионов упоминаний по хештегу. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-00-214120-3

© Ноулин Л., 2013
© Манн, Иванов и Фербер, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лора Ноулин

Если бы он остался

Original title:
IF HE HAD BEEN WITH ME
by Laura Nowlin

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

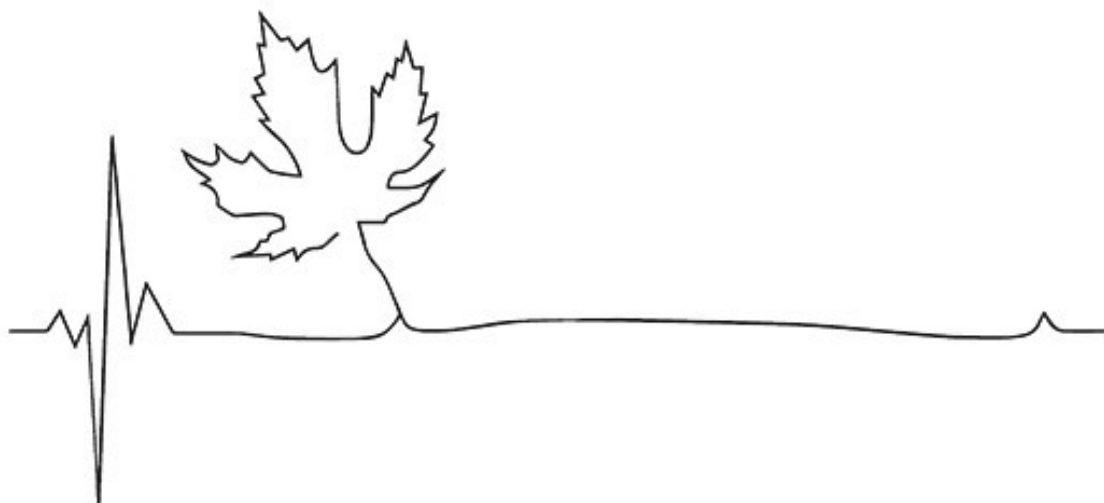
Copyright © 2013 by Laura Nowlin

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Моему мужу Роберту, без которого я так и не узнала бы,
как писать об истинной любви*

Глава 1

В ту августовскую ночь меня не было с Финни, но воображение выжгло эту сцену в моем мозгу, и она стала практически воспоминанием.

Шел дождь (ну а как иначе), и Финни со своей девушкой Сильвией Уайтхаус мчался сквозь ливень в красной машине, которую отец подарил ему на шестнадцатилетие. А в ту дождливую ночь Финни было уже без нескольких недель девятнадцать.

Они ссорились. Никто, кстати, никогда не упоминает почему: мол, это несущественно. Но они не знают о подоплеке произошедшего, затаившейся, но иногда проглядывающей меж известных событий. То, чего не знают остальные – причина ссоры, – для меня является самым главным в этой истории.

Я вижу эту картину: блестящая от дождя дорога и полыхающие в ночи огни машин скорой помощи и полиции, которые предупреждают всех вокруг: здесь произошла катастрофа, будьте добры снизить скорость. Я вижу Сильвию, сидящую боком в машине полицейских, она говорит с ними, и ее колотит, ноги стучат по мокрому асфальту. Я не слышу слов, но понимаю, что она рассказывает им о причине ссоры. И я знаю, знаю, знаю, знаю: если бы он остался со мной, все было бы иначе...

Я вижу их в машине перед аварией: дождь стеной, дорога и весь мир такие мокрые и скользкие, словно их только что специально полили маслом. Они мчатся сквозь тьму, к несчастью, вместе, и спорят. Финни хмурится. Он отвлекается. Он не думает про дождь, про машину и мокрую дорогу под колесами. Он думает об этой ссоре с Сильвией. Он думает о том, что послужило ее причиной, но внезапно машину сильно заносит вправо, и поток его мыслей прерывается. Я представляю, как Сильвия кричит и как он резко крутит руль в другую сторону.

Финни пристегнут. Его винить не в чем. А вот Сильвия не пристегнулась. От резкого поворота она вылетает сквозь лобовое стекло прямо в ночь, каким-то непостижимым, чудесным образом отделяясь лишь небольшими царапинами на руках и лице. Так на самом деле и было, но это трудно представить, настолько трудно, что даже мне не удастся мысленно увидеть этот момент. Я вижу только следующий миг – миг, когда она зависает в воздухе, руки медленно раскрываются, волосы, чуть окровавленные и уже намокшие от дождя, струятся у нее за спиной, точно у русалки, рот широко раскрыт в крике ужаса, темная влажная ночь окутывает ее безупречный силуэт.

И вдруг Сильвия вновь на земле. Она с громким хрустом падает на асфальт и от удара теряет сознание.

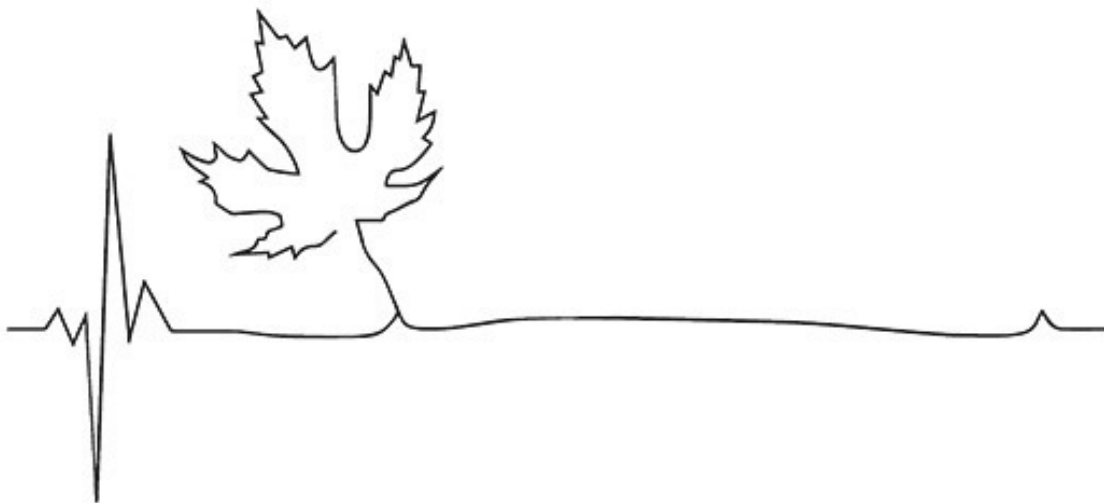
Ее хрупкое тело лежит на дороге. Финни невредим. От шока он тяжело дышит и смотрит в темноту. В этот миг уже он как будто оказывается вне времени и гравитации. Его ум пуст. Он ничего не чувствует, ни о чем не думает; он просто существует, безупречный и невредимый. Он даже не слышит, как шумит дождь.

«Останься на месте, – шепчу я ему. – Останься в машине. Останься в этом мгновении».

Но, конечно же, этого никогда не происходит.

Глава 2

Финеас Смит – сын тети Анджелины. Тетя Анджелина на самом деле мне не родственница; просто она еще в детстве подружилась с моей мамой и до сих пор остается ее лучшей подругой. А к тому же она наша ближайшая соседка. Когда-то давно наши матери забеременели примерно в одно время. Моя мать, как порядочная женщина, к тому времени уже год была замужем за своей школьной любовью, и фотографии с их свадьбы стояли по всему дому и даже на обнесенном забором заднем дворе. Отца почти никогда не было (да и сейчас не бывает) дома из-за работы, но маму это не огорчало: у нее была Анджелина. Увы, та забеременела от любовника, который был женат, богат и слишком стар для нее. К тому же он отказывался верить, что этот ребенок от него. Спустя несколько недель после рождения Финеаса потребуется назначенный судом ДНК-тест, чтобы его отец соизволил сделать доброе дело – купить тете Анджелине дом по соседству с нашим и на протяжении последующих лет делать вид, что она и ее ребенок существуют только мгновение, пока он подписывает ежемесячный чек.

Моя мама не работала, а тетя Анджелина преподавала рисование младшеклассникам в школе напротив своего дома, так что лето для обеих было временем свободы. Они рассказывали нам, как в то беременное лето тетя Анджелина шла по Черч-стрит – ее большой и тяжелый живот выпирал так, будто указывал ей путь, – до нашего викторианского особняка на Элизабет-стрит, и весь день женщины проводили на заднем крыльце, закинув ноги на перила. Они пили лимонад или холодный чай и только к вечеру уходили в дом, чтобы посмотреть по телевизору *«Я люблю Люси»*¹. Они сидели так близко, что мы с Финном могли пинать друг друга, точно близнецы.

В то лето они много думали о нашем будущем.

Финеас родился первым, двадцать первого сентября. Неделью спустя, видимо, заскучав по тому, кто меня пинал, появилась на свет я.

В сентябре все скажут вам, что осень – их любимое время года. Ни в один другой месяц вы от людей такого не услышите. Они забывают, что сентябрь на самом деле летний месяц. Тем, кто живет в Сент-Луисе², это должно быть очевидно. Листья на деревьях еще зеленые, погода теплая, однако у всех на дверях уже висят улыбающиеся пугала к Хеллоуину.

---

¹ Американский ситком, снятый в 1950-х годах. *Прим. пер.*

² Небольшой город в штате Миссури, США. *Прим. ред.*

К концу октября, когда цвет листьев и погода действительно начинают меняться, все уже устают от осени и думают про Рождество. Люди постоянно спешат, они никогда не задумываются над тем, что, может быть, у них уже все есть.

Мама назвала меня Отэм³. Обычно при знакомстве мне говорят: «О, как мило», а затем мое имя как будто ускользает от окружающих, и люди не успевают осознать весь тот смысл, который оно в себе несет: различные оттенки красного, перемены и смерть.

Финеас понял значение моего имени еще до того, как я сама его осознала. В моем имени было то, чего не хватало ему: ассоциации, значение, история. Он очень расстроился, когда в четвертом классе мы смотрели значения имен в разных книжках. Тогда меня это удивило. В каждой книге его имени приписывались разные значения и происхождение: змея, нубийское, оракул, еврейское, арабийское, неизвестно. Мое имя значило именно то, что значило, в нем не заключалось никаких тайн. Я полагала, что, если значение и происхождение имени неизвестно, это не может никого расстроить. Тогда я не понимала, что мальчику, у которого, по сути, нет отца, это было важно и даже необходимо.

В прошлом осталось очень много того, чего я не понимала, но, конечно, конечно, конечно, конечно, теперь все встает на свои места.

Мы росли в Фергюсоне, маленьком городке в окрестностях Сент-Луиса, где сплошь одни викторианские дома, старые кирпичные церкви и живописные магазинчики, которые десятилетиями остаются во владении одних и тех же семейств. Думаю, у нас было вполне счастливое детство.

Я считалась чудаковатой, и друзей, кроме Финни, у меня не было. Он же мог завести их кучу, если бы захотел: он хорошо играл в футбол и странностями не отличался. Он был милый, скромный и всем нравился. Девочки влюблялись в него. Мальчики в первую очередь брали его в команду. Учителя спрашивали его, когда хотели услышать верный ответ.

Меня же интересовали судебные процессы над салемискими ведьмами. Во время уроков я читала книжки под партой, а в столовой никогда не съедала нижний левый угол бутерброда. Я была уверена, что утконосы – это заговор правительства. Я не умела делать колесо и не могла пнуть, забить или поймать мяч. В третьем классе я заявила, что я феминистка. Когда в пятом классе у нас были уроки профориентации, я объявила всему классу во главе с учительницей, что моя цель – переехать в Нью-Йорк, носить черные свитера с высоким горлом и целые дни просиживать в кофейнях, размышляя над философскими вопросами и сочиняя рассказы.

Оправившись от минутного удивления, миссис Моргансен подписала мою полароидную фотографию «Писатель-фрилансер» и повесила ее на стену рядом с будущими учителями и звездами футбола. После консультации с ней я согласилась, что это довольно близко к моему видению будущей карьеры. Думаю, миссис Моргансен было приятно, что ей удалось подобрать мне профессию, но порой я спрашиваю себя, стала бы она принимать во мне такое участие, будь я не только странной, но еще и уродиной.

Сколько я себя помню, все вокруг говорили мне, что я хорошенькая. От взрослых я эти слова слышала чаще, чем от детей. Они сообщали мне об этом при знакомстве, они шептались друг другу, когда думали, что я не слышу. Для меня этот факт стал чем-то самым собой разумеющимся: мое второе имя Роуз⁴, я левша, я хорошенькая.

Не то чтобы мне легче от этого жилось. Все взрослые, видимо, считали, что мне должно быть как минимум приятно слышать такие слова, но в детстве моя внешность доставляла удовольствие взрослым, а не мне самой.

Для других детей главной моей характеристикой была моя *странность*.

---

³ От англ. autumn – осень. Прим. пер.

⁴ Роза (англ.). Прим. ред.

Я никогда не стремилась выделяться и бесилась оттого, что меня такой считали. Мне как будто от рождения не досталось способности понять, что какие-то мои слова и поступки могут выглядеть странно, и я оказалась в заточении у собственного «я». И то, что я «хорошенькая», служило слабым утешением в моих глазах.

Финни оставался верен мне: он задирает всех, кто пытался мучить меня, осаживал каждого, кто глумился надо мной, и всегда брал меня в команду первой.

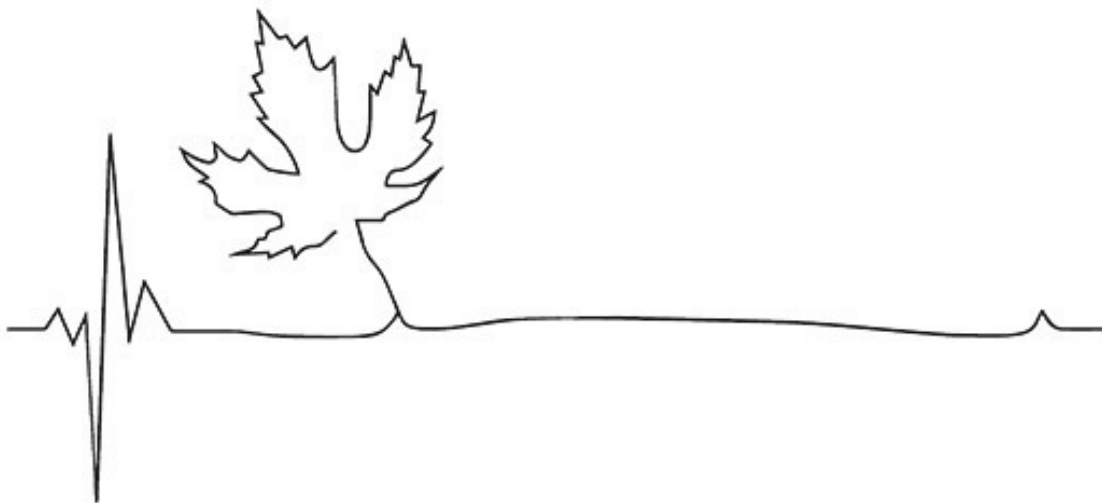
Все прекрасно знали, что я принадлежу Финни и что мы вместе. Одноклассники единодушно сочли, что все это как-то странно, и по большей части меня не трогали. И я была счастлива: у меня был Финни.

Мы редко расставались. На больших переменах я сидела на холме с книжкой, а Финни играл с мальчиками в бейсбол внизу на поле. Все групповые проекты мы делали вместе. Мы вместе шли домой и вместе праздновали Хеллоуин. Домашние задания мы выполняли, сидя бок о бок за столом у меня на кухне. Поскольку моего отца почти никогда не было дома, наши мамы часто звали друг друга на ужин. В течение недели мы с Финни вполне могли расстаться, только чтобы поспать в своих кроватях, и то мы шли в свои спальни, зная, что расходимся недалеко и ненадолго.

Мои детские воспоминания всегда начинаются с лета. Я вижу танцующие лучи света и зеленую листву. Мы с Финни прячемся среди кустов или под деревьями. Осень – это наши дни рождения, совместные прогулки до школы и насыщенный золотистый дневной свет. Рождество Финни и его мама встречают у нас дома. Мой отец в кои-то веки с нами. Отец Финни присылает подарок – дорогой в той же степени, что и неуместный. Набор «Юный химик». Эксклюзивные клюшки для гольфа. Финни пожимает плечами и откладывает их в сторону. Зима – сплошной белый цвет и заочневшие руки в карманах. Финни защищает меня, когда другие дети забрасывают меня снежками. Мы катаемся на санках или сидим дома. Весна – светло-зеленое полотно, а я смотрю с трибун, как Финни играет в футбол.

Все эти воспоминания словно лежат в папке под названием «Прежде».

Глава 3

Я иду к автобусной остановке, сумка с книгами висит на плече. Там уже стоят шестеро детей, но все делают вид, что друг друга не замечают. Смотрю себе под ноги. Мои ботинки покрашены в серебристый цвет краской из баллончика. Ногти и волосы черные. Я останавливаюсь на углу и держусь в стороне. Все молчат.

Наша остановка находится на вершине большого холма на Дарст-роуд. Мы с Финни часто съезжали на велосипедах по его склону. Мне всегда было страшно. Финни – никогда.

Исподтишка разглядываю других детей. Кое-кого я помню со средней или начальной школы, кого-то не знаю совсем.

Это мой первый день в старших классах.

Снова опускаю взгляд, чтобы поизучать искромсанный подол черного платья. Неделию назад я отрезала кружево кусачками для ногтей. Мама говорит, что я могу одеваться как хочу до тех пор, пока это не сказывается на успеваемости. Но она все равно так и не поняла, что в этом году мне не быть популярной девочкой.

В последний учебный день прошлого семестра мы с Сашей пошли в магазин и целый час выбирали краску для волос. Она предлагала мне покраситься в красный – под стать имени. Я подумала, что это неприкольно, но не сказала ей: после того как нас выгнали из «Банды», Саша осталась моей единственной подругой – единственным другом, если быть точнее.

– Привет, – произносит чей-то голос. Все поднимают глаза. Теперь с нами стоит Финни – высокий, светловолосый и настолько модный, что хоть на обложку журнала фотографируй. Все снова отводят взгляд.

– Привет, – слышу я голос какой-то девочки. Она стоит позади меня, я ее не вижу. Я могла бы поздороваться с Финни, но в этот момент слишком нервничаю, чтобы разговаривать.

* * *

Прошлой ночью в доме Финни устроили то, что мамы называли «последним летним барбекю». Пока они жарили мясо, я сидела на заднем крыльце и смотрела, как Финни стучит футбольным мячом о забор. Я думала о рассказе, который начала писать за день до этого, – моей пробе пера в готическом жанре. Наблюдая за Финни, я сочинила крайне трагическую концовку

и продумывала во всех подробностях несчастья, с которыми должна была столкнуться героиня. Когда нас отправили в дом за одноразовыми тарелками, он заговорил со мной.

– Так почему ты покрасила волосы?

– Не знаю, – ответила я.

Если бы кто-нибудь спросил меня, почему мы с Финни больше не друзья, я бы ответила, что так сложилось. Наши мамы бы сказали, что за последние несколько лет мы отдалились друг от друга. Что сказал бы Финни, я не знаю.

В начальной школе нашу дружбу считали странной. В средней школе все удивлялись тому, что мы дружим, и поначалу приходилось объясняться, но со временем мы стали видаться все меньше, и объяснять приходилось все реже и реже.

Как-то так вышло, что меня перестали чураться, и в первом полугодии седьмого класса я влилась в компанию популярных девочек. Мы называли себя «Бандой». Каждый день вместе обедали, а потом шли в туалет причесываться. Каждую неделю красили ногти в одинаковый цвет. У нас были тайные имена и браслеты дружбы. Я не привыкла, чтобы мной восхищались, чтобы мне завидовали или чтобы у меня были подруги, и, несмотря на то что во времена «Прежде» мне всегда хватало Финни, я припала к этой чаше так, словно мучилась от жажды на протяжении многих лет.

Финни присоединился к компании немного занудных мальчиков, которых при этом не задирали, и обычно я махала ему, когда мы встречались в школе. Он всегда махал в ответ.

У нас были разные учебные программы, а значит, и разные домашние задания. Через несколько недель мы перестали делать их вместе, и с тех пор я видела его еще реже. Быть популярной девочкой оказалось не так-то просто. Подруги требовали, чтобы после школы мы все смотрели фильмы и заплетали друг другу волосы. На выходных мы ходили по магазинам.

Когда же мы с Финни все-таки встречались, нам было практически не о чем поговорить. Каждый миг, проведенный в тишине, ложился очередным кирпичом в стену, что росла между нами.

Почему-то мы больше не были друзьями.

Мы не выбирали этот путь. Мы почти ничего не выбирали.

* * *

Когда автобус подъезжает, я все еще смотрю на серебристые ботинки и криво обрезанный подол. Все заходят в салон, опустив голову. Мы молча рассаживаемся в автобусе, где *все* разговаривают. У меня не было никакой уверенности, что встречу Сашу здесь, но теперь я вижу ее в середине салона, и мне становится легче. На ней черная футболка, и глаза тоже густо подведены.

– Привет, – говорю я и сажусь на соседнее сиденье, положив сумку на колени.

– Привет, – отвечает она.

Раз уж я отказалась краситься в красный, она сама придала волосам этот неестественный цвет. Мы улыбаемся друг другу. Преображение свершилось. Вроде как.

* * *

Я *отлично* понимаю, почему я и Саша больше не дружим с Алексой Майерс и другими девочками.

Я не пошла в чирлидеры.

На самом деле я собиралась. Хотела быть чирлидером. Хотела быть популярной, встречаться с кем-нибудь из футбольной команды и вообще делать все необходимое для того,

чтобы остаться в «Банде». Но не смогла справиться с силами, чтобы подготовить выступление для соревнований, и на этом все кончилось.

Алекса, Тейлор и Виктория прошли в основной состав, а Саша – нет. Официально нас не исключали из «Банды», но за обедом остальные девочки говорили исключительно о чирлидерском лагере и старших по команде, которые «ну таки-и-е милые».

В последний день перед каникулами Алекса, Тейлор и Виктория пришли на занятия с волосами, заплетенными в косы. Они не сказали нам, что сегодня день косичек. Мы всегда заплетали их все вместе в один день. За обедом мы спросили их, почему они нас не предупредили, но они только переглянулись и захихикали. Я догадалась, что они наконец-то раскусили истину, которую я скрывала: я хорошенькая, но не популярная. Я другая. Я странная. Так что я решила не упорствовать и снова стать странной девочкой, и Саша поступила так же.

* * *

В автобусе Саша наклоняется ко мне и говорит:

– Круто выглядишь.

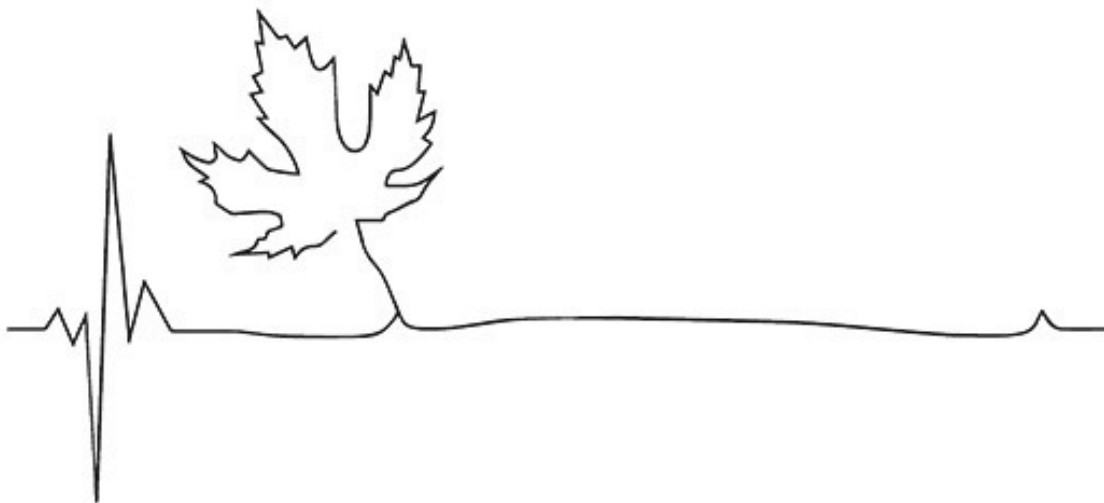
– Ты тоже, – отвечаю я.

Я поворачиваю голову и вижу, что в мою сторону идет девочка в сине-красной форме. Светлые волосы забраны в хвостик и качаются из стороны в сторону. Становится неприятно, когда она садится рядом с Финни. К концу месяца они будут вместе гулять, а мама скажет, что Финни познакомился с Сильвией Уайтхаус на стадионе, куда пришел на футбольную тренировку, а она – с другими чирлидерами.

– Что, по-твоему, скажут остальные? – спрашивает Саша. Я чуть было не огрызаюсь, чтобы она перестала нудеть.

– Не знаю, – говорю я.

Глава 4

Первые несколько дней мы с Сашей обедали в одиночестве в месте, которое я называла «Ступени в никуда», – на бетонной лестнице, ведущей со двора к поросшему травой и сорняками заброшенному полю.

Алекса и остальные носят чирлидерскую форму и ухмыляются при виде нас, как будто наш новый имидж вызывает у них неприязнь. Новая девочка, Сильвия, сидит за их столом. Почти все новоиспеченные старшеклассники перешли сюда из одной и той же средней школы, но есть несколько новеньких из католической школы Сент-Джонс, чьи родители не смогли отправить их в более дорогие частные заведения. С детского сада они учились с одними и теми же детьми и теперь испытывают восторг и трепет перед обширными просторами школы Макклур-Хай. Первые несколько дней все чувствуют неловкость, пытаюсь разобраться, кто есть кто. Затем постепенно образуются новые компании и устанавливаются негласные правила поведения, которым все будут следовать до конца этого года, а может быть, и до конца старшей школы.

Саша познакомилась с девочкой из Сент-Джонс, которая носит на одной цепочке распятие и кулон в форме черепа. Они вместе ходят на физкультуру и несколько дней будут бегать бок о бок, прежде чем Саша предложит ей обедать с нами. Девочку зовут Брук, и с собой она приведет своего парня Ноя и двоюродного брата Джейме. На следующий день подтягиваются их знакомые, кто-то с репутацией «крутого» и его приятели, и скоро на «Ступенях в никуда» уже собирается целая компания. Кто-то уходит и присоединяется к другой группе, кто-то остается. К концу второй недели на «Ступенях в никуда» формируется наша компания.

В ней четыре девочки и три мальчика. Брук и Ной уже встречаются. Они похожи даже внешне: оба веснушчатые шатены, а когда они смеются, у обоих вокруг глаз залегают морщинки.

А значит, остаемся я, Саша и Энджи для Джейме и Алекса. Энджи, немного полная блондинка, все еще сохнет по какому-то парню из своей старой школы. У Алекса красивые глаза, но он низенький, придурковатый и немного рохля. По тому, как Саша смотрит на Джейме, я понимаю, что она моя конкурентка.

Как только я впервые взглянула на Джейме, у меня в животе запорхали бабочки; у него зеленые глаза, обрамленные невероятно длинными ресницами. К тому же у него темные, немного вьющиеся и вечно взъерошенные волосы. Он высокий, худой и бледный.

Джейме бойкий, забавный и много улыбается. Он напоминает мне Пака⁵ из «Сна в летнюю ночь». Джейме подстрекает других мальчиков на какую-нибудь шалость, а девочки в это время сидят на «Ступенях», наблюдают за ними и хихикают. Они играют на поле в футбол ботинком Брук, бросают бумажные шарики в открытые окна кабинетов и поют песни, пародируя школьный хор. Джейме запрокидывает голову и смеется, если шалость удалась. Я смотрю на него и вспоминаю, как Питер Пэн говорил Венди, что всегда кукарекает, когда доволен собой.

Я и Саша пытаемся обратить на себя внимание Джейме, каждая по-своему. Саша подшучивает над ним и демонстрирует, какая она задиристая милашка. Я то держусь сдержанно, то флиртую с ним. Она сбегает по лестнице и играет вместе с мальчиками. Я улыбаюсь его шуткам и бросаю взгляды из-под ресниц. Саша дает ему пять. Я одобрительно кричу ему с лестницы. Это честная борьба, мы никогда не подставляем друг друга. Мы обе знаем, что, когда все закончится, по-прежнему будем друзьями.

Постепенно и в то же время внезапно, потому что все происходит за считанные дни, я опережаю Сашу. Она несколько раз героически пытается взять верх, но вскоре становится очевидным, что Джейме ухаживает за мной. Он сидит рядом со мной на «Ступенях». Он делится со мной картошкой фри. Он щекочет меня. Он улыбается мне, когда я сижу на лестнице, а он с другими мальчиками пинает ботинок, и у меня внутри все трепещет. *Джейме. Джейме. Джеймс. Джейме.*

Однажды в понедельник на «Ступенях в никуда» Джейме берет меня за руку, как будто его руке давным-давно разрешено брать все, что ему вздумается, и все ведут себя так, словно это в порядке вещей. Я держу его руку и смотрю вниз, на бетонные ступеньки, изо всех сил стараясь не улыбнуться и не выдать своих чувств. Внутри я вся дрожу, снаружи я спокойна, как и он. Конечно, мы вместе, конечно. Конечно.

В тот день Алекса и прочие с интересом проводили меня взглядом, когда мы с Джейме прошли по коридору мимо них, а потом отвернулись, будто им все равно. Но они не могли нас не заметить. Джейме великолепен, в этом не может быть сомнений. Это темноволосый Адонис⁶, это готический принц. И теперь он мой.

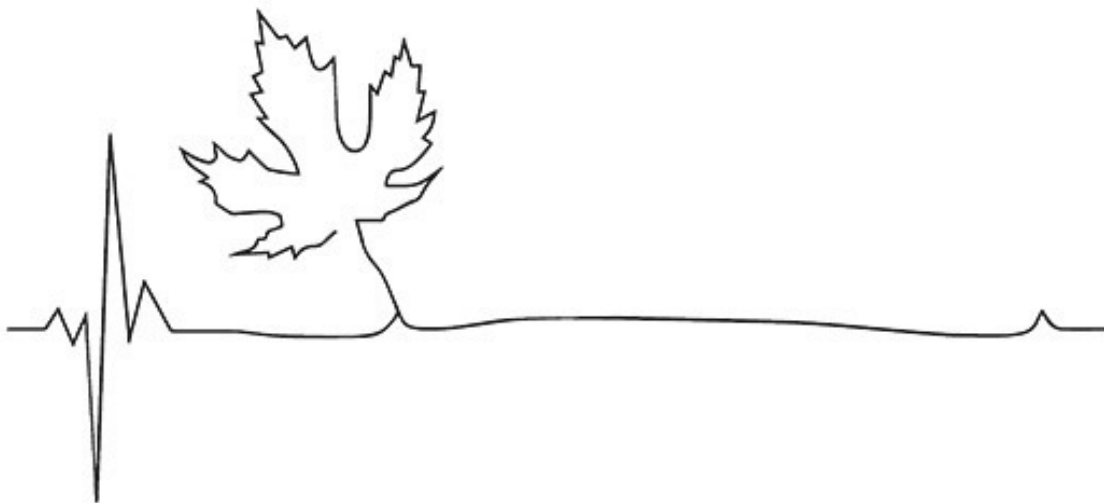
---

⁵ Пак – озорной эльф, который проказничает на протяжении всего произведения. *Прим. ред.*

⁶ Персонаж из древнегреческой мифологии. Юноша настолько прекрасный, что влюбляет в себя саму богиню любви и красоты Афродиту. *Прим. ред.*

Глава 5

Джейме хочет пойти дальше, и я говорю ему, что не готова. Мы начали встречаться на третьей неделе учебы, а сейчас только начало ноября, и я поражена, что мы уже обсуждаем такие вещи. Несколько дней назад он сказал по телефону, что любит меня; я ответила, что не готова сказать ему то же самое, а теперь, лежа рядом с ним и глядя в потолок, спрашиваю себя, с какой целью он признался мне в любви.

– Ладно, – говорит он и берет меня за руку.

При этом мы оба полностью одеты (в экстравагантном стиле, принятом в нашей группе). Мы не готы и не хипстеры, просто странные. Девочки красят волосы в неестественные цвета, а мальчики прилагают все усилия, чтобы выглядеть так, будто они только вылезли из постели. Мы все носим высокие ботинки и грызем ногти. Я знаю, что мы также создаем правила и ограничения, но вслух этого не скажу. Нашу компанию объединяет убеждение, что мы не такие, как прочие «нормальные» дети в школе, и, следовательно, даже лучше них. И уж конечно, мы лучше тех, кто популярен.

Теперь, когда я уже учусь в старшей школе, у меня нет никакого желания быть одной из тех девочек с волосами, собранными в хвост, и в плиссированных юбках. Я в восторге от того, что наконец-то могу быть собой, пусть и в некоторых рамках. С новыми друзьями хорошо быть странной – до тех пор, пока твои странности похожи на их.

– Твой дом такой странный, – говорит Джейме.

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Сегодня он впервые пришел ко мне в гости. Мои родители сейчас на корпоративе на работе у отца. Когда у меня был день рождения, Джейме заболел и не смог прийти, а мама все никак не могла уговорить меня пригласить его просто на ужин.

– В смысле? – спрашиваю я.

– Такой идеальный, – отвечает он. – Даже твоя комната.

Это не комплимент.

Я окидываю взглядом лавандовые стены и белую плетеную мебель и пожимаю плечами.

– Здесь мама постаралась, – говорю я, слегка покривив душой. Мама отвечала за ремонт во всем остальном доме, и он безупречен – совсем как она. Все сочетается, все подогнано до мелочей. На обложке какого-нибудь журнала могла бы быть фотография мамы, где она сидит за кухонным столом, на котором стоит ваза с белыми тюльпанами. Ни один воло-

сок не выбивается из ее прически, в то время как она делает вид, будто читает газету. Мою комнату мы обставляли вместе. В журнале я была бы в чирлидерской форме. Я бы улыбалась.

– Тебе нужны какие-нибудь плакаты или что-то типа того, – говорит Джейме. Я перекачиваюсь на бок и кладу голову ему на плечо. Думаю, что он такой высокий и темноволосый, такой классический красавец. Он говорит, что хочет проколоть бровь, а я уже некоторое время пытаюсь убедить его этого не делать.

– Да, наверное, я что-нибудь повешу, – говорю я. Мне очень нравится Джейме, пусть я еще не уверена, что люблю его. Он умный и классный, и в нашей компании он главный. Пока мы вместе, никто меня из нее не исключит. Джейме кладет руку на мой затылок и зарывается пальцами в волосы.

– Я люблю тебя, Отэм, – говорит он.

Внизу хлопает дверь. Мы оба резко садимся.

– Твоя мама вернулась? – спрашивает Джейме.

Мне не полагается быть дома с Джейме наедине, особенно пока родители с ним не познакомились. До сих пор не верю, что он убедил меня привести его сюда. Я перевожу взгляд на часы. Родители должны вернуться только через несколько часов. Качаю головой.

– Это, наверное, Финни, – говорю я.

– Ты серьезно? – спрашивает Джейме.

– Ну да, – отвечаю я.

Я рассказывала Джейме о моем постыдном прошлом – про популярных девочек и косички. В моем исполнении это была история о том, как я избежала ужасной участи. Как едва не стала одной из *них*. Джейме также знает, что моя мама – лучшая подруга мамы Финни. Я рассказала ему, что мы играли вместе, когда были маленькими. На комодѣ стояла наша с Финни старая совместная фотография, которая каким-то образом пережила наше отдаление в средней школе: вот уже почти два года, как я заговариваю с Финни только в случае необходимости, но мне никогда не приходило в голову убрать фотографию вплоть до сегодняшнего утра, когда я готовилась принимать у себя Джейме. Я спрятала ее в верхний ящик комода, под стопку носков.

Теперь все знают, кто такой Финни, только не называют его так. Вся школа зовет его Финн. Из всех первоодков в старшей школе только он играет в футбольной сборной. Он и несколько его друзей, которые раньше выглядели почти как ботаники, а сейчас влились в «Банду». Но она больше так не называется, ведь теперь иметь название – это по-детски. Так странно, что всего несколько месяцев назад я считала тех девочек лучшими подругами, и еще более странно, что с ними подружился Финни.

Не так-то просто оказалось не приглашать друг друга на дни рождения. В средней школе было легче: на мои вечеринки собирались только девочки, на его – только мальчики. Но в этом году наши мамы подумали, что раз уж мы празднуем смешанным составом, то нужно позвать друг друга. Чего они не понимали, так это того, что в этом году мы с Финеасом уже не просто отделились друг от друга. Мы перешли на совершенно разные пласты бытия, и привести друг-го в свое измерение значило спровоцировать такие сдвиги реальности, что они бы пошатнули всю структуру мироздания. Финни теперь был популярным, а я – изгоем, которая нашла других изгоев себе под стать.

Наши мамы не устраивали нам очную ставку. Однако моя мама спорила со мной, и когда я сказала ей, что никак не могу пригласить Финни, она вздохнула и сказала: «Что в этом году с вами обоими происходит?» Так я поняла, что ему пришлось выслушать все то же самое от тети Анджелины.

– Что Финн Смит делает в твоѣм доме? – спрашивает Джейме.

– Скорее всего, пришел взять что-нибудь, – отвечаю я.

– Например?

Я пожимаю плечами. Не знаю, как ему объяснить.

– Пошли посмотрим, – говорит он. Я не возражаю, хоть внутри у меня все обмерло.

Джейме остается в коридоре, а я заглядываю в кухню. Финни сидит на корточках перед открытым холодильником, за дверцей мне даже его головы не видно.

– Привет, – говорю я. Он оборачивается. Когда-то мы были одного роста. Но за время средней школы он быстро меня перерос, а теперь в нем шесть футов⁷. Мне немного не по себе, когда он смотрит на меня сверху вниз.

– О, привет, – отвечает он. Поднимается на ноги и слегка краснеет. – Извини, задняя дверь была не заперта, но я не думал, что в доме кто-то есть.

– Я не пошла с родителями, – отвечаю я.

– Понятно, – говорит он. – У вас яйца есть?

– Вроде да.

Пересекаю кухню и снова открываю холодильник. Финни отходит в сторону, чтобы пропустить меня. Краем глаза вижу, что он смотрит в коридор, и понимаю, что он заметил притаившегося там Джейме.

– Тебе сколько? – спрашиваю я.

– Не знаю, – говорит он. – Мама просто сказала сходить посмотреть, есть ли у вас яйца. Я выпрямляюсь и протягиваю ему всю коробку.

– Спасибо, – говорит он.

– Не за что, – отвечаю я.

– Пока.

– Пока.

Я стою на том же месте, слушая, как он топчет по задней лестнице, и только потом иду обратно в коридор.

– Ого, – говорит Джейме, – вы знаете друг друга.

– Я же тебе рассказывала, – говорю я.

– Да, но это странно, – замечает он. Я снова пожимаю плечами и иду к лестнице. – Он часто так к тебе приходит?

– Он живет в соседнем доме, – отвечаю я.

– Да, но... Не важно.

Мы молча возвращаемся в мою комнату. Я ложусь на покрывало с цветочным узором, он укладывается рядом. Мы долго целуемся, потом я отвожу его руки, и мы просто лежим. Интересно, это все и значит – любить? Не уверена. Внезапно Джейме говорит вслух:

– Можно подумать, что ты должна была быть одной из них. Но почему-то ты не с ними.

– О чем ты? – спрашиваю я.

– Не знаю, – говорит Джейме. – Твоя комната и он.

– Ну, я не с ними, – говорю я. И снова начинаю целовать его. Я целую Джейме, чтобы он перестал думать о Финни. В комнате снова становится тихо, слышно только наше дыхание.

Но я сама о нем думаю. Думаю о том, как мы могли бы вместе с тетей Анджелиной пойти и встретить его после футбольной тренировки. Представляю, как чирлидеры бы спрашивали меня: «А что, Финни – твой парень?» Представляю, как бы сидела рядом с Финни в автобусе в первый школьный день.

Мы могли быть вместе, думаю я, в то время как Джейме начинает тереться об меня. Финни бы уже признался мне в любви, но не стал бы заговаривать о сексе. Не так рано.

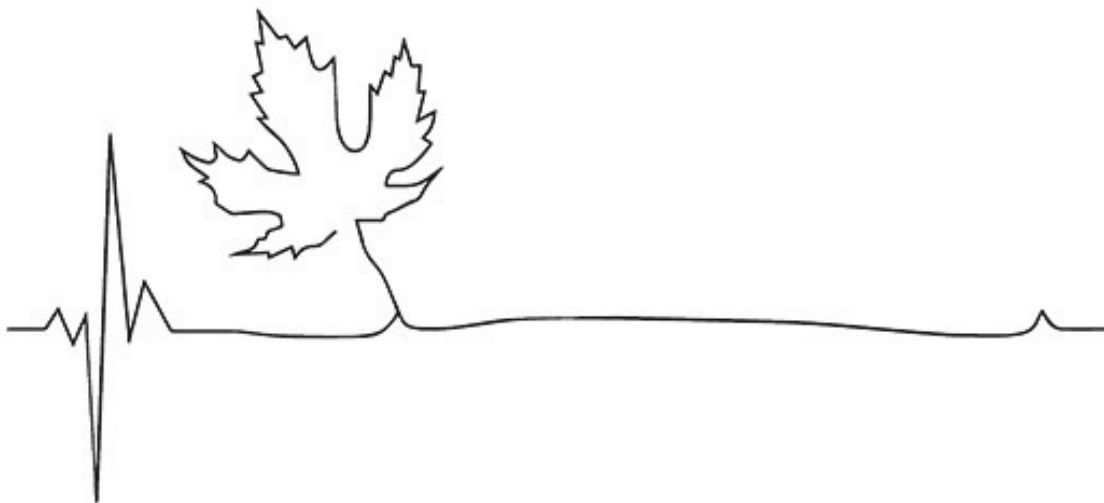
Я вижу все это так, как если бы это уже случилось, как если бы это произошло в действительности. Я представляю все точно, вплоть до мельчайших подробностей, потому что, несмотря ни на что, по-прежнему хорошо знаю Финни и знаю, как бы все сложилось.

---

⁷ Около 183 сантиметров. Прим. ред.

– Я люблю тебя, – говорю я Джейме.

Глава 6

Кукла снова плачет.

– Я никогда не буду заниматься сексом, – говорит Саша. Она присаживается на корточки между стойками с одеждой и вынимает куклу из коляски. Продавщица, складывающая одежду за стойкой, поглядывает на нас. Саша закатывает кукле футболку и вставляет ключ, который болтается у нее на браслете, в отверстие на поясице. Кукла продолжает плакать.

– Они этого и добиваются, чтобы ты так говорила, – говорю я ей, повысив голос, чтобы заглушить хныканье. Оглядываюсь на продавщицу.

– Кажется, она думает, что это настоящий ребенок, – говорю я.

Вскоре плач начинает стихать. Саша продолжает держать куклу на руке, не вынимая ключа. Если она вытащит его до того, как истекут положенные две минуты, кукла снова начнет плакать, а если компьютерный чип внутри зафиксирует, что Саша невнимательно обходится с «ребенком», то Саша получит двойку за это задание и максимум тройку по социологии и семейной жизни. Саша оглядывается на продавщицу и пожимает плечами.

– Значит, их план работает, – говорит она. – Я никогда не буду заниматься сексом.

– А Алекс в курсе? – спрашиваю я, поворачиваюсь к стойке с распродажными товарами и продолжаю перебирать одежду.

– Если она начнет плакать, когда мы будем смотреть кино, я сообщу ему о своем решении, – отвечает Саша, и я улыбаюсь. Мальчики должны встретить нас чуть позже. Это было хорошее полугодие. Мне нравятся новые друзья и новая одежда. На рождественские каникулы я уйду с одними четверками и пятерками в дневнике, а по все еще действующему соглашению с мамой я могу одеваться как угодно до тех пор, пока это не сказывается на учебе.

Я снимаю со стойки черный корсет из искусственной кожи с толстыми кружевными лямками. Саша вскидывает брови.

– Его можно носить с кардиганом, – говорю я. Саша смеется, но я совершенно серьезна. Мне нравится идея соединить что-нибудь сексуальное с чем-то строгим. Подхожу к продавщице.

– Я хочу это примерить, – говорю я.

Она смотрит на меня и кивает. Она снова переводит взгляд на Сашу, которая теперь усаживает куклу обратно в коляску. Вслед за продавщицей я иду к примерочным кабинкам и жду, пока она отойдет дверь.

– Спасибо, – говорю я.

– Девочки, вам сколько лет? – спрашивает она, не оборачиваясь.

– Пятнадцать, – отвечаю я. Сашин день рождения будет только в марте, но этого я не уточняю.

– Хм, – говорит она и идет обратно.

С одной стороны, меня раздражает эта женщина, а с другой – хочется схватить ее за рукав и сказать, что на самом деле я хорошая девочка.

– Это кукла, – говорю я. Продавщица оборачивается.

– Что?

– Это кукла. Школьное задание, – поясняю я.

Она прищуривается, смеряет меня взглядом и уходит.

Спустя час в дешевом магазинчике с бижутерией, где Саша ищет кулон для младшей сестры, я вижу тиару. Серебряная, с прозрачным хрусталем – такими короновали будущих выпускников всего несколько месяцев назад. Мы смеялись над этой традицией и закатывали глаза, но мне при этом хотелось свою корону, только без напыщенного символизма. Беру тиару и аккуратно примеряю ее, чтобы не зацепить волосы. Я в восторге от того, как выглядит голова, верчу ею из стороны в сторону перед зеркалом, а потом немного отхожу, чтобы посмотреть, как украшение смотрится с джинсами и футболкой. Мне все нравится.

– Что ты собралась с ней делать? – спрашивает Саша, когда я уже стою на кассе.

– Буду носить, – отвечаю я, – каждый день.

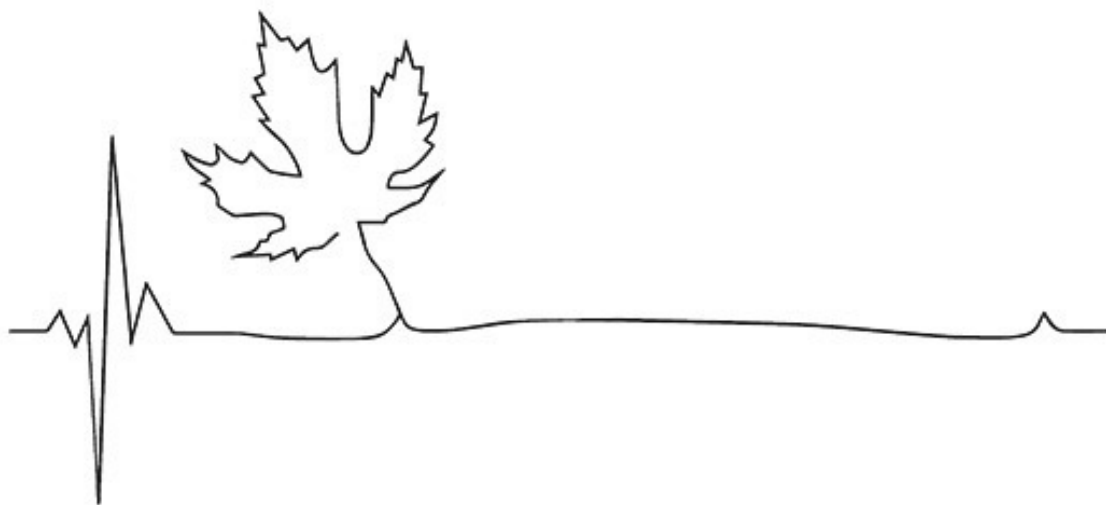
– Здравствуйте, Ваше Высочество, – говорит мне Джейме, когда чуть позже мы встречаемся с мальчиками перед кинотеатром в торговом центре. У меня дух захватывает от того, что ему нравится. Я беру его за руку, а он целует меня в знак приветствия.

Во время фильма кукла снова начинает плакать, мы с Сашей переглядываемся и смеемся. Смеемся так долго и громко, что вынуждены выйти в коридор, где она снова достает ключ. Стоим в коридоре и смеемся, Саша с куклой, я в тиаре, и все, кто проходит мимо, смеряют нас настороженным взглядом.

* * *

Первое полугодие и вправду прошло хорошо. Когда испытываешь счастье такого сорта, то начинаешь обманываться и думать, что дальше его будет только больше, так много, что, возможно, будешь смеяться вечно.

Глава 7

– Так почему ты носишь тиару? – спрашивает Финни. Я сразу вспомнила, как он полгода назад спросил меня, почему я покрасила волосы, но отчего-то на этот раз злюсь.

– Потому что она мне нравится, – заявляю я. Сегодня канун Рождества, и мы раскладываем на столе фарфоровую посуду из приданого моей мамы. Отец сидит перед елкой и пьет виски. Мамы о чем-то разговаривают на кухне.

– Ладно, прости, – говорит он.

Я искоса поглядываю на него. На нем красный свитер, который на любом другом парне смотрелся бы по-идиотски, но Финни сейчас выглядит так, будто ему самое место в частной школе на восточном побережье, где бы он успешно учился, а летом занимался каким-нибудь водным спортом. Он обходит стол и кладет салфетку напротив каждого стула. Я с серебряными приборами в руках иду за ним.

– Извини, – буркаю я.

– Все супер, – отвечает Финни. Его трудно вывести из себя.

– Просто мне в школе этих вопросов хватает.

– Тогда почему ты ее носишь?

– Потому что она мне нравится, – повторяю я, но на этот раз я улыбаюсь, а он смеется.

За ужином мамы разрешают нам выпить по полбокала вина. У меня голова идет кругом от того, что со мной обращаются как со взрослой, а от вина хочется спать. Отец долго обсуждает с Финни, каково это – быть единственным первогодкой в сборной. Он как будто доволен, что может о чем-то поговорить с одним из нас, как будто мы с Финни взаимозаменяемы, как будто он таким образом выполняет отцовский долг перед нами обоими. Нетрудно понять, почему он так думает: дома он бывает подолгу только во время каникул, когда Финни и тетя Анджелина всегда с нами. Может быть, он считает тетю Анджелину своей второй женой?

Мама и тетя Анджелина вспоминают все предыдущие рождественские ужины и сравнивают их с сегодняшним. Они это делают каждый год. И каждый год у нас сейчас самое лучшее Рождество.

Хотела бы я каждый раз верить, что это лучшее Рождество на свете, но не могу, потому что знаю наверняка, какое им было. То, когда нам было по двенадцать лет, – наше последнее Рождество в начальной школе.

В тот год в сочельник выпало много снега. На мне было новое зимнее пальто и варежки в цвет шарфика. Мы с Финни ходили к заливу и пробивали ногами лед на мелководье. Мамы приготовили нам горячий шоколад, и мы играли в монополию, пока не пришел с работы папа, и мы думали только о том, что сейчас наступит Рождество.

С тех пор снег ни разу не выпадал на Рождество, и каждый год появлялось все больше и больше других мыслей, а ощущения праздника становилось все меньше и меньше.

Джейме уехал на Рождество к бабушке в Висконсин, и мне приятно, что я по нему скучаю. Это ранка, которая ноет тупой болью и которую мне нравится расковыривать.

«Джейме, – думаю я, – Джейме, Джейме, Джеймс», – и вспоминаю его язык у меня во рту. Целоваться с языком мне нравилось не так сильно, как я ожидала, но я к этому привыкла. Теперь я постоянно говорю Джейме, что люблю его, а он больше ни разу не заговаривал о сексе. На Рождество он подарил мне новый дневник, и, хоть я еще не закончила старый, с Нового года я начну писать в нем. К тому времени Джейме вернется, и мы будем вместе. Джейме, Джейме, Джеймс.

– Отэм, – говорит отец, – ты в этом году у нас Фея Драже⁸?

За столом повисает тишина, в то время как я пытаюсь понять, что он имел в виду. Потом вижу, как мама закусывает губу, и осознаю, что он имеет в виду тиару. Он не заметил, что я ношу ее каждый день уже третью неделю подряд. Делаю глубокий вдох.

– Да, – говорю я. – Просто подумала, что стоит сделать этот ужин более праздничным.

Отец улыбается мне и ест бутерброд с ветчиной. Он доволен собой. Мама что-то говорит Финни, и беседа за столом постепенно возобновляется. Через несколько минут я извиняюсь и иду в свою комнату.

Я купила несколько постеров: Джими Хендрикс с гитарой на сцене, утонувшая Офелия смотрит в небо, черно-белая фотография дерева без листьев. Мне нравится, как они смотрятся в лавандово-белой комнате, – как корсет с кардиганом, как тиара с порванными джинсами. Но сейчас я не смотрю на постеры. Я ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Когда кто-то стучит в дверь, делаю вид, что сплю. Через секунду дверь все равно открывается, и Финни просовывает голову внутрь.

– Эй, – говорит он, – просили сказать тебе, что мы закончили есть.

– Хорошо, – отвечаю я, но не двигаюсь с места. Жду, когда он уйдет. Но Финни не уходит, он так и стоит в дверях, как будто ждет от меня чего-то. Продолжаю лежать. Я смотрю в потолок, пока он не заговаривает снова.

– Правда обидно, что он не заметил, – говорит Финни.

– По крайней мере, на Рождество мой отец с нами, – отвечаю я. Лицо Финни меняется на какую-то долю секунды. А потом как будто дверь снова закрывается.

– Я не то имела в виду, – говорю я.

– Все хорошо, – говорит он. – Внизу все ждут тебя.

После того как он уходит, я еще какое-то время лежу на кровати. Думаю о том, как бы я сказала Финни о том, что мне все равно, о том, как мне больно, и том, что мне это не так важно, но мне бы хотелось, чтобы это было важно отцу. Представляю, как Финни вдруг обнимает меня и говорит, что все хорошо, говорит, что можно испытывать разные чувства к одному и тому же человеку. Мы спускаемся вниз, и он держит меня за руку, пока мы все вместе сидим на диване и смотрим «Эту замечательную жизнь»⁹. Потом Финни и тетя Анджелина собираются домой, на крыльце Финни целует меня на прощание, и мы видим, что пошел снег.

Я перекатываюсь на бок, вытираю слезы и иду вниз.

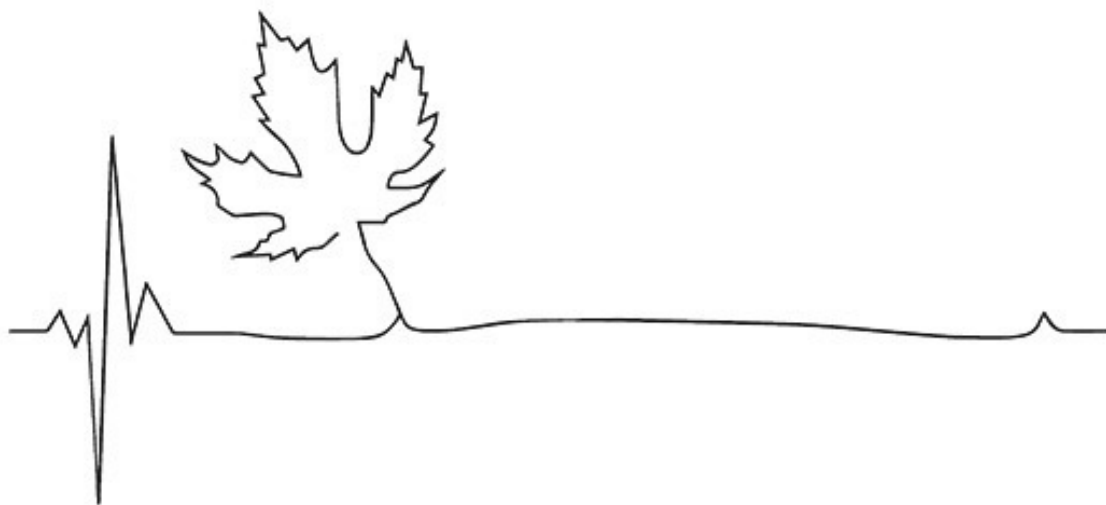
---

⁸ Персонаж балета «Щелкунчик». *Прим. пер.*

⁹ «Эта замечательная жизнь» (англ. *It's a Wonderful Life*) – американский фильм, снятый в 1946 году. Считается традиционным «рождественским» фильмом в США, как, например, «Ирония судьбы» считается традиционным «новогодним» фильмом в России. *Прим. ред.*

Глава 8

Вечеринка проходит у меня в доме, потому что он большой и к тому же родители могут познакомиться с Джейме, прежде чем поедут к отцу в офис на новогодний корпоратив.

Джейме хорошо держался перед моими родителями. Он пожал им руки, смотрел в глаза, и от него не пахло сигаретами. Папу все устроило. Мама довольна, и у меня есть назойливое подозрение, что это потому, что Джейме такой красивый, – как будто теперь она может быть спокойна, что в школе у меня не совсем плохая репутация.

Саша, Брук и Энджи остаются на ночь.

Мама Алекса заберет мальчиков после полуночи. А пока мы одни.

Брук стащила бутылку шампанского с праздничного вечера родителей. Она завернута в спальный мешок, и мы слишком поздно поймем, что вполне можно было поставить ее в холодильник.

Мы едим пиццу и смотрим фильм. Фильм не очень. Мальчики то и дело отпускают шутки, и каждый хочет, чтобы над его шутками девочки смеялись громче. Конечно, Джейме лучше всех. Я откидываюсь на спинку дивана, гордая тем, что я его девушка.

Потом мы сидим и болтаем, теперь уже все хотят блеснуть чувством юмора. В основном мы обсуждаем других ребят из школы. В конце концов разговор сводится к сексу, как – я вскоре узнаю – и всегда сводятся все беседы. Ни у кого из нас еще нет опыта, и мы еще достаточно молоды, чтобы этого стесняться, – это просто данность, которая исправится со временем. Мы подшучиваем друг над другом и сплетничаем о том, кто в школе чем занимался. Секс – это тема для шуток. Секс кажется чем-то реальным в той же степени, что и конец света в полночь.

Полночь. Жду поцелуя Джейме так, словно мы никогда не целовались. Прежде я только один раз целовалась в полночь¹⁰, и я очень хочу, чтобы новый поцелуй перечеркнул старый, чтобы этот запомнить навсегда.

В одиннадцать пятьдесят мы отправляемся на кухню за кастрюлями и сковородками. В одиннадцать пятьдесят пять стоим у входной двери и каждые тридцать секунд спрашиваем у Джейме, который час. Почему-то мы решили, что его телефон больше всего достоин доверия.

А затем, как всегда, мгновение приходит и уходит, и хоть где-то внутри я снова удивляюсь, что у меня совсем нет ощущения, будто за этот миг что-то поменялось, я вместе с осталь-

---

¹⁰ Новогодняя примета. Считается, что поцелуй любимой или любимого в полночь принесет еще двенадцать месяцев любви.

ными бегу по лужайке, бью в кастрюлю и смотрю на звезды и незаконные фейерверки, которые пускают соседи. Мы кричим, как будто узнали чудесную новость. Мы поздравляем с Новым годом друг друга, деревья и тех, кого не видим, кто так же выкрикивает поздравления в небо. Мы кричим так, будто эта демонстрация радости отпугнет все наши страхи, будто уже знаем, что ничего плохого с нами в этом году не случится, и потому счастливы.

– Джейме, поцелуй меня! – кричу я. Бросаю в траву кастрюлю и деревянную ложку и тяну к нему руки. Он вальяжно подходит ко мне, кладет руки на бедра и притягивает к себе. Остальные бьют в кастрюли. Это хороший поцелуй, как и все прочие наши поцелуи. Все бросают кастрюли и тоже целуются. Я поднимаю с земли кастрюлю и ложку, и в этой относительной тишине, пока все не начали стучать снова, понимаю, что мы не одни.

В тридцати футах от нас Финни, Сильвия, Алекса, Джек и прочие тоже бьют в кастрюли и смеются, глядя в небо. Мы с Финни встречаемся взглядами, и он смотрит по сторонам, прежде чем украдкой помахать мне. Я машу в ответ, не поднимая руку выше талии, в страхе, как бы кто-нибудь из его друзей не подумал, что я помахала им. И именно в этот момент все замечают друг друга, и сразу же начинается соревнование, о котором никто вслух не скажет. Мы веселимся лучше, чем они. Мы любим друг друга сильнее. Мы стучим громче. Нам этот год принесет больше, чем им. Мы вопим, кричим и снова целуемся. Мальчики начинают петь, а мы, девочки, беремся за руки и кружимся на тротуаре.

И конечно же, мы так веселимся, словно совсем не замечаем одноклассников поодаль.

А затем Джейме в очередной раз подтверждает тот факт, что он наш лидер.

– Пора пить шампанское! – кричит он, и мы ликующе вторим ему, так что наши голоса разносятся по всей улице. Смеясь, бежим по лужайке, пока они не нашлись чем нам ответить. Все эти кастрюли с ложками до смерти наскучили, нам есть чем заняться в доме.

Мы пьем теплое шампанское из обычных стаканов и делаем вид, будто для нас это обычное дело.

Захмелев впервые в жизни, смеемся настолько, что начинаем целовать друг друга. Брук целуется с Энджи. Я целую Ноя. Саша целует Джейме. А потом мы решаем, что каждый из нас должен поцеловать всех остальных, чтобы скрепить узы вечной дружбы. Мы хихикаем и подходим ближе. Я тебя уже целовал? Мы еще не целовались? О боже, я дважды поцеловала Алекса.

Мы моем стаканы по два раза. Джейме и остальные мальчики берут на себя мужскую обязанность – разбить бутылку на дороге и убрать за собой осколки. Когда они возвращаются, мы все собираемся на кухне и жуем жевательную резинку. Девочки стоят рядом со своими парнями, готовясь к неизбежному расставанию. Мы держим их за руку, кладем голову им на плечо и томно, сонно вздыхаем. Мальчики снисходительно нам улыбаются. Энджи сидит на кухонном столе и, как обычно, страдает от неразделенной любви.

– Кстати, а Финн Смит что, махал нам? – спрашивает Ной. Брук открывает глаза и поднимает голову.

– Да, я видела, – подтверждает она.

– Он, должно быть, махал Отэм, – говорит Саша.

– С чего это? – одновременно спрашивают Ной и Энджи.

– Они раньше были вроде как лучшие друзья, – поясняет Саша. Все смотрят на меня.

– Он живет в соседнем доме, – говорю я. – Его и моя мамы – подруги. Очень близкие подруги.

– Они вместе отмечают Рождество и День благодарения, – добавляет Саша. – Каждый год.

– О господи, как странно, – произносит Брук.

– Мы почти как родственники, – ворчу я. – Если бы Джейме был одним из популярных ребят, тебе все равно пришлось бы с ним видаться, верно, Брук?

– Я? – восклицает Джейме. Все смеются.

– И все равно это странно, – говорит Саша. – В средней школе вы ведь какое-то время гуляли вместе, да? Я хочу сказать, что вы двое могли бы быть друзьями, даже несмотря на...

– Эй, между прочим, не я пыталась попасть в чирлидеры, – перебиваю я, и общее внимание переключается на Сашу.

– Что? – спрашивает Алекс таким тоном, будто Саша предала его. Подруга молит о прощении, напоминая всем о своей молодости, неопытности, наивности.

– Я не осознавала, что творила, – говорит она, молитвенно сложив перед собой руки. Мы внимательно слушаем ее убедительную драматическую речь, после чего Джейме объявляет, что Саша прощена, и мы все обнимаем ее – и как раз в этот момент в дверь стучит мама Алекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.